

УДК 821.111–32

ФЕНОМЕН ДВОЙНИЧЕСТВА В НОВЕЛЛАХ Р. Л. СТИВЕНСОНА «МАРКХЕЙМ» И «СТРАННАЯ ИСТОРИЯ ДОКТОРА ДЖЕКИЛА И МИСТЕРА ХАЙДА»

Елена Евгеньевна Амелина

аспирант кафедры всемирной литературы

Московский педагогический государственный университет

119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1. lena_amelina@mail.ru

В статье анализируются новеллы английского писателя второй половины XIX в. Р. Л. Стивенсона «Маркхейм» (1885) и «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» (1886). Феномен двойничества определяет поэтику данных произведений со стороны формы и содержания. Рассмотрены «дуальные модели», с помощью которых раскрывается философское основание данного явления. Мотив двойничества представлен противопоставлением света и тьмы как во внешнем, так и во внутреннем пространстве. Источником этих идей Стивенсона является христианское учение о душе, которая всегда является полем битвы двух противоположных начал. Герои ведут напряженную борьбу между добром и злом. Писатель решает нравственно-психологические проблемы в форме диалога с двойником, представляющим собой зеркальную сторону души героя. В новеллах писатель говорит о состоянии безумия как о психологической основе раздвоения героя. Особое внимание уделяется приемам двойственного изображения: портрету, зеркальности изображаемого, пейзажу, пространственно-временной организации произведений.

Ключевые слова: английская новелла рубежа XIX–XX вв.; феномен двойничества; психологизм; зеркальность.

Феномен двойничества (ambivalence, ambiguity, duality, dichotomy, bifurcation) [McLynn 1993: 261] – особое явление в литературе, выражающееся через категории двойственности, дуализма. Поскольку бинарность является исходным эстетическим принципом данного явления, именно она определяет и сущность, и форму художественного произведения. Феномен двойничества наиболее ярко начинает заявлять о себе в эпоху романтизма, что связано с усилением концепции двоemiрия, трагического мироощущения. Данное явление чаще всего обостряется в сложные, кризисные моменты культурно-исторического развития, новый виток которого приходится на рубеж XIX–XX вв. Исследователи, рассматривая истоки феномена, отмечают, что двойничество становится духом времени именно в XIX в. [McLynn 1993: 258]. Вторая половина XIX в. представляет собой особый интерес как значительный переломный этап и в социально-историческом, и историко-литературном аспектах. Происходят изменения и во многих литературных явлениях. В частности, это касается и рассматриваемого феномена двойничества. Если в литературе романтизма проблема часто реша-

ется на фантастическом уровне, притом что и эта фантастика служит средством познания жизни, расколотого, дwoящегося мира, то в литературе конца XIX – начала XX в. данный феномен становится элементом психологической характеристики раздвоенного сознания героя.

В работе будут рассмотрены особенности интересующего нас явления в новеллах Р. Л. Стивенсона (1850–1894) «Маркхейм» («Markheim», 1885) [Stevenson 1912a] и «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» («Strange Case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde», 1886) [Stevenson 1912b], где феномен двойничества определяет поэтику произведений и с точки зрения формы, и с точки зрения содержания.

Творчеству Р. Л. Стивенсона посвящены монографии, диссертации, статьи и рецензии. В основном внимание исследователей сосредоточено на романах писателя. Что касается новеллистики, в ряде работ делается акцент на стремление Стивенсона изучить двойственность в сфере подсознательного [Chersterton 1927; Masson 1924; McLynn 1993]. «Stevenson's real purpose in writing it, was his obsession with duality» [Bevan 1993: 119]. При этом отмечается, что идея *doppel-*

ganger была взята писателем у Э. По [ibid.: 118]. В других исследованиях эта мысль повторяется, кроме того, обращается внимание и на связь с Достоевским [McLynn 1993: 258]. О разработке темы двойника в «Джекиле и Хайде» пишет и М. Урнов [Урнов 1967]. Авторы монографий частично намечают направление развития мотива двойничества Стивенсона, его стремление изобразить чередование добра и зла в душе человека [Gwynn 1939: 127], дают объяснение того, как писатель понимает природу данного явления: «Stevenson conceived the process by which one human being became physically, mentally and spiritually another» [Pope-Hennessy 1974: 182]. Тем не менее специального исследования на тему феномена двойничества как организующего начала новелл Р. Л. Стивенсона нет.

Двойничество – явление многоаспектное, в основе которого лежит ряд моментов, определяющих художественную ткань произведения. В новеллистике Р. Л. Стивенсона можно найти различные аспекты литературного феномена двойничества.

Обратимся к так называемым *дуальным моделям*, в которых раскрывается философское основание данного явления. В новеллах Стивенсон решает нравственно-психологические проблемы, прежде всего добра и зла (как следствие, вытекающие отсюда проблемы преступления и наказания), используя форму своеобразного диалога с двойником. В новелле «Маркхейм» «неизвестный» является герою как некое порождение смятенного сознания убийцы. Не давая ответа на вопрос, кто он, двойник вступает с Маркхеймом в спор о сущности зла. «Верную жизни психологическую драму, происходящую в одном и том же человеке, но облеченную в аллегорическую форму раздвоившейся личности» [Лавров 2003] преподносит Стивенсон и в своей новелле «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда». Как отмечает исследователь, речь здесь идет «об основной двойственности человеческой природы, который мы боимся взглянуть прямо в глаза» [там же].

Двойственность вводится писателем именно в сферу нравственности. Источником этих представлений Стивенсона является христианское учение о душе, которая всегда является полем борьбы двух начал – божественного и дьявольского, духовного и плотского, изначально греховного и подлежащего укрощению и подавлению [Дьяконова 1984: 111]. Он пытается проникнуть в неведомые сферы души человека, чтобы показать «два лика, и оба искренние» [Лавров 2003]. Писатель, представляя своих героев с их противоречивыми существованиями, вмещаю-

щими в себя одинаково и добро, и зло, использует приемы двойственного изображения. Но для Стивенсона это качество, присущее каждому человеку изначально.

Следует отметить, что в произведениях отразилась вера писателя в предопределенность личности и судьбы человеческой, вызванная кальвинистским влиянием [Дьяконова 1984: 9].

В споре с «неизвестным» Маркхейм отказывается принимать зло как коренное и постоянное качество своей души (как хочет показать ему двойник): «... зло ненавистно мне? Неужто ты не видишь там, в глубине, четкие письмена совести... <...> Зло и добро с равной силой влекут меня каждое в свою сторону. Нет во мне любви к чему-то одному – я люблю все». [Стивенсон 1993а: 463]. Также отрицает он и возможность существования добра в чистом виде: «...даже святые, поскольку жизнь идет своим чередом, день ото дня становятся все менее взыскательны к себе и под конец сливаются с окружающей их средой» [там же: 463]. Но для героя это не простая констатация факта, это постоянная борьба тьмы и света в его душе. Последний рубеж в чередке его преступлений – убийство человека – становится для Маркхейма страшным уроком. Признавая и в своей душе существование жажды зла, он до последнего воюет со своим двойником за ту частицу добра, которая еще жива в его душе: «... я не сделаю ничего такого, что ввергнет меня во власть зла». Более того, до последнего он хватается за тонкую соломинку надежды во время разговора с антикваром – надежды на частицу добра в выбранной жертве. Надежду, которая поможет и ему справиться со злом. Сожаления и угрызения совести ищет он в своей душе после совершения преступления и не находит: «Нет, раскаяния в его душе не было и тени».

Подобную борьбу ведет и доктор Джекил, герой новеллы «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда». Придя к неутешительному выводу о двойственности своей натуры («...назвать каждую из них своей я могу только потому, что и та и другая равно составляют меня...») [Стивенсон 1993б: 557], герой ищет средство разьединить части своей души. Его представление о человеке как о целом – «общине», объединяющей в себе «сочлены», – терпит крушение и заканчивается трагедией потерявшего себя человека. В отличие от Маркхейма, героя одноименной новеллы, который готов признать в себе одновременное существование обеих сил и покориться им, герой другой новеллы Стивенсона надеется перехитрить природу, загнав каждую из сил в отдельное тело.

Нравственное противопоставление «добро – зло» перерастает в более широкое и общее «свет – тьма», «созидание – разрушение». Более того, Стивенсон подводит эти «двойные» понятия к более высокому, вселенскому обобщению, используя библейские аллюзии. Прежде всего, следует отметить, что в обоих произведениях двойник воспринимается как Сатана. С отвращением Маркхейм отказывается принимать помощь от посланника тьмы: «Никогда! Только не от тебя!» [Стивенсон 1993а: 459]. Неоднократно сравнивается с Сатаной и Хайд из другой новеллы Стивенсона, и даже сам доктор Джекил называет его «мой Дьявол». Стивенсон акцентирует внимание на дьявольской составляющей души человека. Поля богословского трактата исписаны кошунственными замечаниями Хайда: борьба двойников происходит не только во внутреннем пространстве одного человека, она вырывается во внешний мир. Библейскую притчу о плевелах и пшенице вспоминает и «неизвестный» в «Маркхейме», отождествляя героя с «врагом человека»: «...подобно тебе, сеял плевелы между пшеницей, безвольно потворствуя буруевающим его страстям...» [там же: 461].

Таким образом, мотив двойничества, прежде всего, раскрывается в противопоставлении света и тьмы – как во внешнем, так и во внутреннем пространстве, в душе человека. Интересно, что состояние героев в моменты «превращения» – пограничное состояние психически нездорового человека. Здесь уже реализуется психологическая основа раздвоения как констатация психического заболевания героя, без которого появление двойника невозможно. Неоднократно Стивенсон говорит о безумии. В новелле «Маркхейм» поведение героя изначально обращает на себя внимание нездоровым возбуждением. Проступившая у него на лице сумятица чувств – «страх, ужас, решимость, упоение и физическая гадливость» [там же: 451] – говорят о сильной внутренней борьбе, которая выходит за рамки разумного осознания. Теперь уже и его мозг разделен: «...одна часть его мозга была начеку и всячески хитрила, другая трепетала на грани безумия» [там же: 454]. В новелле «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» странные перемены в поведении доктора наводят Аттерсона на мысль о сумасшествии. «The mystic transformation in the flesh accompanies the transformation in the soul» [Carre 1930: 180].

Борьба двух враждебных сил, создающая двойственность, проявляется не только в сознании героя, но и в его внешнем облике. Переходы внутренних состояний меняют портрет до неузнаваемости. Так, портрет Маркхейма в начале

новеллы представляет собой некий сплав чувств, которые создают общее впечатление физического уродства. В конце тот же герой с «подобием улыбки на губах» спускается встретить служанку, чтобы рассказать ей об убийстве хозяина. В связи с этим следует остановиться на внешнем облике двойника. Стивенсон редкими штрихами набрасывает его портрет, придавая некоторую схожесть со вторым «я». Маркхейм с ужасом отвечает, что пришелец будто бы знаком ему, и даже «мерещилось в нем сходство с самим собой». При этом он не может уловить точных черт – очертания постоянно менялись и подергивались зыбью. Однако в момент нравственного преображения главного героя черты внешнего облика пришельца начинают меняться до неузнаваемости: «Чудесная, радующая взор перемена вдруг преобразила лицо неизвестного; оно смягчилось и просветлело чувством торжества и нежности, и, светлея, черты его стали таять и расплываться» [Стивенсон 1993а: 465]. Становится очевидным, что двойственность внешнего облика обуславливается внутренними изменениями.

Отсутствие человеческого в облике двойника неоднократно подчеркивает писатель и в другой новелле: «Его наружность трудно описать. Что-то в ней есть странное... что-то неприятное... попросту отвратительное» [Стивенсон 1993б: 512]. Портрет двойника производит впечатление физического уродства, оставляя ощущение гадливости, отвращения и страха: «The creature from whose very presence all human beings recoil, in whose atmosphere their blood and their flesh creeps, is the creature divested of all human kindness» [Gwynn 1939: 132]. Аттерсон дает ясный ответ на невольно возникшую загадку: «...чернота души проглядывает сквозь тленную оболочку и страшно ее преображает...» [Стивенсон 1993б: 512]. Уродливая сторона души двойника прорывается изнутри и определяет внешнюю сторону: «в самой сущности ... незнакомца чувствовалось что-то завораживающее, жуткое и гнусное...» [там же: 552–553]. В противоположность этому портрет доктора Джекила в моменты освобождения от «черного влияния» – портрет человека, «обретшего душевный покой в служении добру» [там же: 533]. Ужас, отчаяние – свет, умиротворенность – постоянно повторяющиеся состояния героя.

Таким образом, Стивенсон, отмечая, что наружность двойников сложно поддается какой-либо идентификации, тем самым подчеркивает их фантомность и зависимость от героя, его душевного состояния. Внешнее уродство пришельца из новеллы «Маркхейм» собрало в себе все

моральное уродство и внутреннее разложение убийцы. Однако герой отказывается от зла и направляет движение своих сил на созидание и очищение. Именно в этот момент происходит физическое разрушение его двойника, по сути, исчезновение. Исчезает и двойник доктора Джекила – страшный карлик мистер Хайд. Однако в отличие от первой новеллы уничтожение только этой, черной и уродливой части души героя невозможно: зло проникло в самую сущность его. Доктор Джекил оказывается перед выбором: либо физическая, либо духовная смерть. Но в нем еще живет стремление к добру, так же, как и в Маркхейме есть чудом уцелевшие крупинки нравственности, и потому Джекил не хочет даже части себя оставлять для торжества и победы зла.

Очень символично то, что и в той и другой новелле Стивенсона происходит поворот сознания героев в ту область, где торжествует нравственность. Даже если в дальнейшем (это писатель оставляет за границами видимого) их ждут испытания, смерть, они осознанно идут на уничтожение той части души, которая представляет собой зло. Таким образом, двойник исчезает, оказывается «убитым» своим вторым «я». Происходит преодоление двойничества: в «Маркхейме» – обретение целостности героем, в «Странной истории доктора Джекила и мистера Хайда» – физическое разрушение вследствие невозможности вернуться к единому облику.

В раскрытии феномена двойничества важную роль занимает мотив зеркала, зеркальности изображаемого. На этом уровне раскрывается мифологическая основа данного явления. Стивенсон по-разному раскрывает мотив, в том числе обращаясь к символу – знаку мистической связи с двойником.

Уже в самом начале новеллы «Маркхейм» зеркало возникает на предметном уровне: в качестве подарка для дамы антиквар предлагает Маркхейму именно ручное зеркало. Тот в ярости отказывается, называя зеркало «ручной советью»: «... вы предлагаете мне вот это проклятое напоминание, напоминание о прожитых годах, прегрешениях и безумствах» [Стивенсон 1993а: 450]. Герой видит в зеркале не просто отражение своего внешнего облика, он видит там свое внутреннее «я». Оно настолько ужасно, что заставляет Маркхейма содрогнуться от страшных воспоминаний. Зеркало становится символом души человека, его внутренней «оболочки». Далее мотив зеркальности все более усиливается, и вот уже убийца со свечой в руке обмирает от страха в доме антиквара при виде своих беглых отражений. «Эти отражения, точно скопище шпионов, замелькали в богатых зеркалах... глаза Марк-

хейма встречались с собственным шарящим взглядом...» [там же: 452–453]. Чернота души будто бы выливается из маленького ручного зеркала и заполняет все пространство вокруг героя. Теперь это «напоминание» о совершенных злодеяниях везде, каждое движение заставляет посмотреть внутрь себя, и та бездна, которая открывается перед героем, приводит его на грань безумия.

Тот же мотив двойничества, раскрывающийся на разных уровнях, мы видим и в новелле «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда». Сразу обращает на себя внимание устройство кабинета доктора: «Это была большая комната, уставленная стеклянными шкафами: кроме того, в ней имелось большое вращающееся зеркало...» [Стивенсон 1993б: 528]. Как и в «Маркхейме», здесь Стивенсон опять вводит множество зеркал, распространяющих повсюду отражения. И если первоначально для доктора они являются показателем его изменений – больше внешних, то затем эти вращающиеся, распространяющие повсюду свои отблески зеркала становятся проклятием для героя, символом его раздвоенности и той страшной бездны, в которую он сам себя опустил.

Немаловажное значение для понимания феномена двойничества в новелле Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» имеет пейзаж, рисуемый писателем, – он становится символом кошмара, вызванного появлением двойника. Над местом его обитания будто бы происходит концентрация тьмы: «...перед глазами мистера Аттерсона проходили бесчисленные степени и оттенки сумерек...» [там же: 525]. Убожество внутреннее переходит во внешнее: среди тумана редко проскальзывает «чахлый солнечный луч». Чем глубже происходит внутреннее разрушение доктора и возрастание власти «двойника» Хайда, тем ощутимее становится засилье тьмы в окружающем мире. Эта тьма заставляет скрываться героя в узком пространстве комнаты, когда уже вокруг веет сыростью и сгущаются сумерки. По мере того как преступления и злодеяния «двойника» становятся все очевиднее, еще одним устойчивым элементом пейзажа становится ветер. Кажется, он выметает с улиц всех прохожих, и уже весь мир оказывается затянутым сплошным сумеречным туманом: «Луну затянули тучи, и стало совсем темно. Ветер, проникавший в глубокий колодец двора лишь отдельными порывами, колебал и почти гасил огонек свечи...» [там же: 544].

Говоря о бинарных оппозициях в поэтике новелл, следует обратиться к пространственно-временной организации повествования, где так-

же присутствует некая двойственность. Прежде всего, это противостояние ночи и дня.

Первое преступление «двойника» в новелле «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» совершается под покровом ночи. Все дальнейшие встречи с Хайдом также происходят в «темное» время суток. Поздним вечером сталкивается Аттерсон с Хайдом. Глубокой ночью тот убивает со страшной жестокостью пожилого джентльмена. Только во внешнем сумраке убийца может чувствовать себя свободно и естественно. В тот момент, когда его преступления становятся очевидны, он ограничивает свое пространство стенами комнаты, где ему тесно, и он мечется, не зная выхода. Доктор Джекил же, напротив, – человек, любящий бывать на открытом воздухе, особенно в период его полного освобождения от власти второй, темной части души. Его внутреннее пространство души открыто, что выражается и во внешнем по отношению к нему мире. Но только другая часть души начинает одерживать верх, как Джекил запирается в стенах кабинета, где и остается до момента полного своего исчезновения, сначала душевного, затем физического.

Проследим, как раскрывается пространственно-временная двойственность в новелле «Маркхейм». Герой входит с освещенной улицы в сумеречное пространство замкнутой комнаты, где и будет происходить борьба с «пришельцем»: залитая светом улица – темнота комнаты, «разреженная кое-где яркими бликами». Далее противоборство происходит в запутанных, загроможденных вещами комнатах дома с многочисленными лестницами. Именно в этих комнатах убийца будет искать деньги, но найдет только свое другое «я». Захламленный дом становится, таким образом, сознанием героя, в котором он пытается найти себя. В финале рассказа Маркхейм распахивает дверь, тем самым разрывая внутреннее замкнутое пространство. Именно в этот момент совершается окончательный разрыв с темной частью души и даже, скорее, обретение целостности. Одно «я» исчезло, другое обретает единство и покой.

Таким образом, в новеллистике Р. Л. Стивенсона феномен двойничества занимает особое место как структурообразующий элемент поэтики произведения. Данное явление раскрывается на различных уровнях: философском, психологическом, мифологическом и, кроме того, характеризуется определенными бинарными схемами и совокупностью художественных средств.

Список литературы

Дьяконова Н. А. Стивенсон и английская литература XIX в. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. 192 с.

Лавров А. Стивенсон по-русски: Доктор Джекил и мистер Хайд на рубеже двух столетий // Toronto Slavic Quarterly. 2003. №3. URL: <http://www.utoronto.ca/tsq/03/lavrov3.shtml> (дата обращения: 10.12.2013).

Стивенсон Р. Л. Маркхейм / пер. с англ. Н. А. Волжиной // Стивенсон Р. Л. Собр. соч.: в 5 т. М.: ТЕРРА, 1993а. Т. 2. С. 448–465.

Стивенсон Р. Л. Странная история доктора Джекила и мистера Хайда / пер. с англ. И. Г. Гуровой // Стивенсон Р. Л. Собр. соч.: в 5 т. М.: ТЕРРА, 1993б. Т. 2. С. 507–572.

Урнов М. Роберт Луис Стивенсон (Жизнь и творчество) // Роберт Луис Стивенсон. Собр. соч.: в 5 т. Т. 1 М.: Правда, 1967. URL: http://lib.ru/STIVENSON/stivenson0_1.txt (дата обращения: 10.12.2013).

Bevan B. Robert Louis Stevenson. Poet and Teller of Tales. L.: The Rubicon press, 1993. 197 p.

Carre J.M. The Frail Warrior. A Life of Robert Louis Stevenson / transl. from the French by Eleanor Hard. N. Y.: Maccann, 1930. 297 p.

Chersterton G. K. Robert Louis Stevenson. L.: Hodder & Stoughton, 1927. 259 p.

Gwynn S. Robert Louis Stevenson. L.: Macmillan, 1939. 267 p.

Masson R. The Life of Robert Louis Stevenson. L.: Chambers, 1924. 366 p.

McLynn F. Robert Louis Stevenson: A Biography. N. Y.: Random House, 1993. 567 p.

Pope-Hennessy J. Robert Louis Stevenson. L.: Cape, 1974. 276 p.

Stevenson R. L. Markheim // Stevenson R. L. The works of Robert Louis Stevenson. In 25 vols. Vol. VIII. L.: Heinemann, 1912a. P. 273–291.

Stevenson R. L. The strange case of dr. Jekyll and mr. Hyde // Stevenson R.L. The works of Robert Louis Stevenson. In 25 vols. Vol. V. L.: Heinemann, 1912b. P. 227–304.

References

Bevan B. Robert Louis Stevenson. Poet and Teller of Tales. L.: The Rubicon press, 1993. 197 p.

Carre J. M. The Frail Warrior. A Life of Robert Louis Stevenson / transl. from the French by Eleanor Hard. New York: Maccann, 1930. 297 p.

Chersterton G. K. Robert Louis Stevenson. London: Hodder & Stoughton, 1927. 259 p.

Djakonova N. A. Stevenson i anglijskaja literatura XIX v. [Stevenson and English literature of the

XIXth century]. Leningrad: Leningrad Univ. Publ., 1984, 192 p.

Гwynn S. Robert Louis Stevenson. London: Macmillan, 1939. 267 p.

Lavrov A. Stevenson po-russki: Doktor Dzhakil i mister Hajd na rubezhe dvuh stoletij [Stevenson in Russian: Dr Jekyll and Mr Hyde are at the turn of two centuries]. Toronto Slavic Quarterly. 2003. Iss. 3. Available at: <http://www.utoronto.ca/tsq/03/lavrov3.shtml> (accessed 10.12.2013).

Masson R. The Life of Robert Louis Stevenson. London: Chambers, 1924. 366 p.

McLynn F. Robert Louis Stevenson: A Biography. New York: Random House, 1993. 567 p.

Pope-Hennessy J. Robert Louis Stevenson. London: Cape, 1974. 276 p.

Stevenson R. L. Markheim. Stevenson R. L. The works of Robert Louis Stevenson. In 25 vols. Vol. VIII. London: Heinemann, 1912a. P. 273–291.

Stevenson R. L. Markheim [Markheim]. Stevenson R. L. Sobranie sochinenij: v 5 t. [A collection of

works: 5 vol.]. Moscow: Terra Publ., 1993a. Vol. 2. P. 448–465.

Stevenson R. L. Strannaja istorija doktora Dzhekila i mistera Hajda [The strange case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde]. Stevenson R. L. Sobranie sochinenij: v 5 t. [A collection of works: 5 vol.]. Moscow: Terra Publ., 1993b. Vol. 2. P. 507–572.

Stevenson R. L. The strange case of dr. Jekyll and mr. Hyde. Stevenson R. L. The works of Robert Louis Stevenson. In 25 vols. Vol. V. London: Heinemann, 1912b. P. 227–304.

Urnov M. Robert Louis Stevenson (Zhizn' i tvorcestvo) [Robert Louis Stevenson (The Life and Works)]. Robert Louis Stevenson. Sobranie sochinenij: v 5 t. [A collection of works: 5 vol.]. Moscow: Pravda Publ., 1967. Vol. 1. Available at: http://lib.ru/STIVENSON/stivenson0_1.txt (accessed 10.12.2013).

THE PHENOMENON OF DOPPELGÄNGER IN THE NOVELLAS BY R. L. STEVENSON “MARKHEIM” AND “STRANGE CASE OF DR. JEKYLL AND MR. HYDE”

Elena E. Amelina

Post-graduate Student of World Literature Department
Moscow State Pedagogical University

The article deals with the novellas “Markheim” and “Strange Case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde” by R. L. Stevenson, the English writer of the second half of the 19th century. The phenomenon of doppelgänger determines the poetics of these works at the level of form and context. In these works “dual models” which reveal the philosophical basis of this phenomenon are regarded. The motive of doppelgänger is presented as a contrast of light and darkness – both in the outer and inner space. The source of these Stevenson’s ideas is the Christian doctrine of the soul, which is always a battleground of two opposing principles. Stevenson’s heroes suffer powerful struggle between good and evil in their souls. The writer solves moral and psychological problems in the form of dialogue with the double. In the novels the writer speaks about a state of madness as a psychological basis of a split personality. Particular attention is paid to the methods of the dual representation used by the writer: the portrait, a mirror imaged, landscape, and spatiotemporal organization of the works. The article examines doppelgänger not only in the mind of the hero, but also in its appearance. Transitions of internal states change the portrait beyond recognition, and the ugly side of the twin soul breaks inside and determines the outer side. Stevenson emphasizes the dependence of the twins’ appearance on the hero’s state of mind. In disclosing the phenomenon of doppelgänger the motive of the mirror plays an important role. The mirror becomes a symbol of the human soul, its inner “shell”. The landscape in the novellas is also essential for understanding of the phenomenon. Inner darkness goes into the external darkness, these symbols are twilight, fog and wind. Doppelgänger is presented in the spatiotemporal organization of the narrative: a confrontation of night and day, the open space of the street and closed rooms. Therefore, in this article it is observed that the phenomenon of doppelgänger has a special place in Stevenson’s novellas as a structural element of the poetic works.

Key words: English fin de siècle novella; phenomenon of doppelgänger; psychological analysis; reflectivity.